

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА



В. А. Жуковский
СТИХОТВОРЕНИЯ
И
БАЛЛАДЫ



Василий Андреевич Жуковский
Стихотворения и баллады
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8707384
Стихотворения и баллады [сост., вступ. ст., коммент. В. И.
Коровина]: Детская литература; Москва; 2010
ISBN 978-5-08-004596-7*

Аннотация

В книгу вошли избранные стихотворения и баллады В. А. Жуковского.
Для среднего и старшего возраста.

Содержание

Поэт Василий Жуковский	6
Стихотворения	37
Сельское кладбище[1]	40
Дружба[8]	48
Вечер[9]	50
Песня[13]	55
Путешественник[14]	58
Песнь араба над могилою коня[15]	61
К ней[16]	64
Желание[17]	65
Певец[18]	68
Певец во стане русских воинов[21]	71
Конец ознакомительного фрагмента.	96

**Василий Андреевич
Жуковский
Стихотворения и баллады**



1814

Василий Андреевич
Шуковский

Поэт Василий Жуковский



Василий Андреевич Жуковский – большой и оригинальный поэт, открывший новый век в отечественной литературе. Его поэзия полна сердечной, таинственной, меланхолической и кроткой прелести. Жуковский создал совершенно особую поэзию. Он преобразовал старые жанры, перестроил стилистические, стиховые, интонационные формы поэтической речи.

Поэт жил и творил в переломную эпоху русской и европейской истории. За десять лет до его рождения Россию потрясла крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Она обнажила противоречия между дво-

рянами-помещиками и крепостными крестьянами. Дворянство, пользуясь своей неограниченной властью над подневольными земледельцами, в большинстве своем заботилось не столько о благе государства, сколько о личной выгоде, о чинах, наградах и доходных местах.

После восстания Пугачева стало ясно, что противоречия между крестьянами и помещиками непримиримы и что надежды на просвещенную монархическую власть, которая была бы способна устранить социальные коллизии, неоправданны: ведь именно самодержавие выражало корыстные интересы дворянства. Так была подорвана вера в идею просвещенного абсолютизма. Но многие дворяне, в том числе и Жуковский, еще находились во власти иллюзии, будто только самодержавие может установить социальный мир в стране. Для этого мало начинить голову царя разумными понятиями. Надо прежде всего воспитать его сердце, напомнить ему, что он человек, а не бездушный повелитель. Эта идея возникает у Жуковского, как и у других передовых людей его времени, под прямым влиянием бурных исторических событий, которые произошли в Европе и повлекли перемены в умах и чувствах.

Во Франции совершилась Великая буржуазная революция. Ее грозные раскаты достигли России, но отношение к ней русских дворян было двойственным. Они не приняли и осудили революционный террор, казнь короля, стихийное народное возмущение и вместе с тем радовались, что рево-

люция расшатала феодально-сословные устои, и человек почувствовал себя раскрепощенным, свободным. Теперь, казалось, все зависело от его способностей и дарований. Однако свобода обернулась зависимостью от капитала, индивидуалистическим эгоизмом и безудержным своеволием личности. Итог наполеоновских войн – падение монархий и порабощение народов. Жуковскому, как и другим передовым дворянам, была близка идея независимости, духовной самостоятельности личности, но он отверг насильственный путь ее достижения. Разрешение социальных противоречий надо искать, полагал он, не на путях революции, а опираясь на воспитание личности. Человек в поэзии Жуковского испытывает горькое разочарование в реальной действительности. Он никогда не достигает счастья, но это не лишает его веры в лучшую жизнь, в добро, в любовь и дружбу, не отменяет неистребимого стремления к высокой нравственности.

Пафос человечности укрепляется в Жуковском и вследствие необычных обстоятельств его личной судьбы.

Поэт родился 29 января 1783 года. Отец его, Афанасий Иванович Бунин, был богатым тульским помещиком, а мать – пленная турчанка Сальха. В тогдашних условиях будущая судьба «незаконного» ребенка была весьма незавидной. Чтобы как-то обеспечить его общественное положение, Бунин попросил своего родственника, бедного дворянина А. Г. Жуковского, жившего в его доме, усыновить мальчика.

К счастью, в семье Буниных к ребенку отнеслись сочув-

ственно. И это оказало несомненное влияние на духовное развитие поэта. Жуковский уверовал в доброту отзывчивого и чуткого сердца. В земных отношениях, думал он, все зависит не столько от социальных условий, сколько от свойств самих людей, от меры их человеколюбия. Мысль о совершенном обществе связалась у Жуковского опять-таки не с идеями социального бунта и коренной ломки общественных отношений, а с моральным воспитанием личности. Ту же идею внушило Жуковскому и чтение Карамзина, авторитет которого в глазах юного поэта был очень высок. При этом гуманность Жуковского получила религиозную окраску, хотя поэт был далек от казенного православия и от официальной Церкви.

Поэт воспитывал себя в духе принятого им гуманного воззрения и с исключительным прямодушием, подчас забывая о себе, вступался за гонимых царизмом Пушкина, И. Киреевского, Герцена, содействовал выкупу на волю Шевченко. Современники отмечали необычайную мягкость, нежность, незлобивость, отличавшие его. Пушкин в одном из писем восторженно восклицал: «Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!» Однако религиозность часто суживала идейный кругозор Жуковского, а художественность нередко казалась поэту лишь простой иллюстрацией нравственного содержания. «Талант, – писал он Пушкину, – ничто. Главное: величие нравственное». Обога-

тив русскую поэзию нравственными идеями – и в этом его бесспорная заслуга, – Жуковский в то же время несвобожден от поучительности, дидактизма, снижающих эстетические качества его произведений.

Эти недостатки, постепенно, кстати, изживаемые Жуковским, решительно перекрываются теми новыми и ценными качествами, благодаря которым неизмеримо расширилось художественное содержание русской поэзии и ее выразительные возможности.

Жуковский, по словам Белинского, вдохнул душу в русскую поэзию. Какой бы темы ни коснулся Жуковский, она несла на себе отпечаток его личности.

Русские поэты до Жуковского вдохновлялись пафосом государственных преобразований, постижением абсолютных, всеобщих философских истин, победами разума над темнотой, науки над невежеством. Носителями общегосударственных эмоций выступали либо самодержавие, либо просвещенный монарх, например Петр I. Человек в XVIII веке еще не мыслил себя суверенным существом и потому не мог противопоставить свою этику феодально-иерархической морали. В XVIII веке считалось, что поэтического выражения наиболее достойны чувства, имеющие общее значение для Отечества. Интимные же эмоции казались случайными, необязательными. Всеобщее замещало и вытесняло личное, но без индивидуального начала и само выглядело рационально отвлеченным, абстрактным.

В начале XIX века дворянин почувствовал себя относительно самостоятельным от государства и испытывал искреннее разочарование в навязываемой ему официальной морали. Его не удовлетворяли и отвлеченные истины. Каждое событие теперь оценивалось с личной, субъективной точки зрения. Например, патриотическая тема в оде-элегии Жуковского «Певец во стане русских воинов» предстала не в своем абстрактном и всеобщем содержании, а лично пережитой. Примечательно, что главную лирическую партию в ней ведет «певец», воины же вторят ему, разделяя его чувства.

Певец славит мужество, доблесть военачальников и простых ратников и говорит от своего лица. Патриотизм – его личное чувство, теплое и задушевное, лишенное рассудочности, одического «парения», риторики, столь свойственных традиционным одам классицистов. Вместе с тем это и общественное чувство, потому что певец выражает общенациональные эмоции. Жуковскому дорога идея национального единства, душевного родства воинов и поэта, союза поэзии и военного искусства. Голос певца в стихотворении стал голосом нации. Общественное чувство обрело в оде личный характер, а личное не потеряло общественного содержания. Лирическое переживание связано с идеалами всей нации, а не одного лишь дворянства или иных привилегированных слоев. Кстати, о царе упоминается вскользь и без того волнующего одушевления, с каким обращается поэт к Родине.

Именно человеческое, глубоко лиричное решение патриотической темы обеспечило «Певцу во стане русских воинов» небывалый успех среди участников Отечественной войны 1812 года и передовых людей того времени. Вместе с тем Жуковский понимал, что общественные условия в России его эпохи сковывают духовные богатства человека. Гуманная личность – это исключительное, редкое явление. Она относится к тем «немногим», которые презирают «преходящие» блага и ценят лишь блага вечные, нетленные – дружбу, любовь, доброту, чуткость, сердечность. Не находя опоры своим чувствам в современной ему действительности, поэт обращается к истокам народной культуры, к обычаям, поверьям, быту и нравам народа, к национальной истории.

Так Жуковский приходит к идее народности, выступает зачинателем народной темы в нашей поэзии. Он обрабатывает на свой лад средневековые легенды европейских народов и знакомит русскую публику с неведомыми ей старинными сюжетами. В них Жуковский рассказывает о разнообразной исторической жизни народов Запада и Востока и приобщает русское общество к истории и культуре других стран. При этом во всех переводах и переложениях отчетливо выражен гуманистический пафос Жуковского. Как бы ни были несходны средневековые легенды Англии, Шотландии и Германии, как бы ни разнились восточный и европейский эпос, нравственность народов содержала общие духовные принципы. Народная мораль отдавала предпочтение внут-

ренней красоте человека, его благородству, высоким чувствам и мыслям, а не социальному происхождению, богатству или связям. Эти народные представления отвечали личным взглядам Жуковского, человека без имени и без состояния, вынужденного в дворянском обществе утверждать себя талантом и литературным трудом. Тем самым иноземные произведения использовались поэтом при решении актуальных для России общественно-литературных задач.

По мысли Жуковского, в обществе идеальные чаяния души искажаются, но не исчезают. Их пламень согревает дружбу и любовь, гражданские и патриотические подвиги, беззлобную шутку, озорную фантазию, крылатое вдохновение и бескорыстное самопожертвование. Прекрасный идеал, о котором мечтали народы всех стран, жив, но в настоящем своем виде часто скрыт, незрим. Его нелегко распознать в реальной жизни. Поэтому подлинное содержание идеи человечности составляет томление по совершенству. Не столько даже достижение идеала, сколько порыв к нему. В этом и заключается истинное предназначение человека. Следовательно, силы, влекущие к гармонии с природой и другими людьми, заложены в нем самом, и пробудить, воспитать их и усовершенствовать должен он сам. И это один из непреложных и predetermined законов, управляющих жизнью. Не нарушая, а соблюдая его, человек обретет счастье.

Вследствие этого понятно, почему внутренний мир человека стал для Жуковского источником огромной нравствен-

ной энергии, возвышающей личность и поднимающей ее над действительностью. Счастье, по убеждению поэта, возможно, ибо оно в душе человека, и никто не в силах его отнять, но одновременно оно недостижимо в суровой и жестокой реальности, где неизбежно гибнут самые лучшие, самые благородные побуждения и разбиваются прекрасные сердца.

Эти взгляды начали складываться у Жуковского рано, когда первые романтические веяния проникли в Россию, всколыхнув чувства юноши. К тому времени он получил образование в частном пансионе, затем в Тульском народном училище, а потом стал слушателем Благородного пансиона при Московском университете. Здесь, в кругу молодых друзей, и получили развитие романтические устремления поэта. Судьба свела его с известным в те годы семейством И. П. Тургенева – ректора университета. Жуковский подружился с его сыном Андреем. Вместе с ним и другими воспитанниками он вошел в «Дружеское литературное общество», где юные романтики обсуждали волновавшие их новые идеи. Внезапная смерть Андрея Тургенева потрясла Жуковского. Юношеской дружбе он сохранил верность до конца дней. Жизнь поэта сложилась так, что ему не раз приходилось оплакивать самых близких и духовно родных людей.

Давая уроки своим племянницам, Александре Андреевне и Марии Андреевне Протасовым, Жуковский влюбился в Марию Андреевну, и она ответила ему взаимностью. Но брак не состоялся: сестра Жуковского решительно воспро-

тивилась счастью любящих из-за религиозных соображений, не допускавших кровного родства между будущими мужем и женой. «Христианство (по ее словам), – писал Жуковский о матери Марии Протасовой, – заставляет ее отказать нам в нашем счастье; а того, что составляет характер христианки, она не имеет, той любви, которая заботится о чужой судьбе, как о собственной. Каждая минута напоминает мне о том, чего я лишен, нет никакого вознаграждения. На нашу потерю смотрит она холодными глазами эгоизма. Нет никакой отрады». Мария Андреевна Протасова и Жуковский вынуждены были расстаться. Впоследствии М. А. Протасова вышла замуж за доктора Мойера. Через творчество Жуковского прошла тема большой и драматичной любви.

С 1815 года Жуковский исполнял придворную должность чтеца при императрице Марии Федоровне, вдове Павла I. Спустя два года его пригласили учителем русского языка к принцессе Шарлотте – будущей императрице Александре Федоровне, а с 1826 года он стал воспитателем наследника престола – впоследствии царя Александра II. Служба при дворе вызывает законную тревогу друзей поэта – Пушкина, Вяземского и других. Они сомневаются, сумеет ли Жуковский сохранить присущую ему независимость. Их смущают мистические ноты в произведениях поэта, и они опасаются, не повредит ли дворцовая обстановка таланту Жуковского. Но поэт не изменяет гуманным чувствам и, находясь при дворе, заступает за несправедливо гонимых литераторов,

публицистов, художников.

Педагогическое поприще поэт воспринял как гражданское служение Отечеству. С необычайной ответственностью, очень ревностно отнесся он к занятиям со своим учеником: сам составлял программы и готовил пособия.

Будучи монархистом по убеждениям и признавая законность самодержавия в России, Жуковский, однако, хотел видеть царей более образованными, воспитанными, человечными. Его идеалом был просвещенный абсолютизм, и поэт пытался посеять в душе наследника семена добра, пробудить в нем чувство неудовлетворенности, уважения к законам, к личным правам, достоинству людей и их мнениям. Через воспитание наследника он надеялся изменить ход русской истории. Это была, конечно, трагическая иллюзия. Жуковский испытал глубокое разочарование: его мечты о просвещенном, гуманном и деятельном самодержце, образованию и воспитанию которого он отдал столько трудов и сил в пору своей творческой зрелости, рушились одна за другой. И хотя будущий царь ценил Жуковского как человека, он не следовал его советам. Поэту не удалось победить ни лени, ни малоподвижности ума высокородного отрока. Он часто наталкивался на глухое, упорное сопротивление и тупое своеволие. Как понял вскоре и сам Жуковский, причина гибели его надежд на совместимость гуманности с монархизмом заключалась в том, что абсолютная власть, основанная на произволе, – враг человечности.

В 1841 году Жуковский вышел в отставку, женился на Елизавете Рейтерн, дочери художника. Но счастье продолжалось недолго: у жены поэта обнаружилось расстройство психики, и жизнь временами казалась ему невыносимой.

Воспоминания современников донесли до нас задумчивый, мечтательный, а иногда и радостный облик Жуковского. Часто встречавшиеся с поэтом А. И. Тургенев, Вяземский, Пушкин и близкие к их кругу литераторы любили его. Пушкин, например, ценил и доброе сердце, и верность Жуковского в дружбе, и его громадное лирическое дарование.

Без Жуковского нельзя представить всю новейшую русскую поэзию. Ему обязаны не только Пушкин, но и все крупные поэты начала XIX века, не исключая декабристов, которые по своим общественным устремлениям, казалось бы, Жуковскому чужды. Именно Жуковский заставил слово естественно и легко передавать самые тонкие переживания человека.

Органическую сопряженность поэзии и жизни в творчестве Жуковского уловили уже современники. «До Жуковского, — писал Белинский, — никто и не подозревал, чтоб жизнь человека могла быть в тесной связи с его поэзией и чтоб произведения поэта могли быть вместе и лучшею его биографией». Но эта связь достаточно сложна.

Единственная тема и основное содержание лирики Жуковского — душа. Думам о ней и посвящена его поэзия. И все-таки Жуковский-поэт нетождествен Жуковскому-чело-

веку. Он создает в лирике обобщенный образ. Лирический герой поэта и совпадает с личностью автора, и не совпадает с нею. Из своей биографии Жуковский выбирает не столько житейски достоверные факты, сколько рисующие мыслимую им идеальную судьбу. Так, например, любое событие в жизни Жуковского – встречи и объяснения с Марией Протасовой, вид моря или придворный праздник – теряет свою жизненную конкретность и становится вехой обобщенной участи поэта. Например, из стихотворений «Лалла Рук» и «Явление поэзии в виде Лалла Рук» мы ничего не узнаем о придворном празднике, о деталях обстановки, об оформлении и прочем. Праздник – это лишь часть душевной жизни самого поэта. Жуковский, отвлекаясь от предметных изображений в элегиях «На кончину ее величества королевы Виртембергской» и «Славянка» и отсылая читателя к подробным примечаниям, выражает настроенность своей души, то эмоциональное волнение, которое слилось у него с трагическими или светлыми событиями. Биографические сведения в их подлинности не интересуют Жуковского-лирика. Они приобретают значение только в соотнесении с общей долей человека и с представлением поэта о заранее предначертанном ему пути. Поэтому можно сказать, что узоры лирических переживаний вышиваются не по канве биографии поэта, а по канве символической судьбы, предназначенность которой он чувствует.

Каждое стихотворение становится отдельным моментом

душевной жизни и отражает духовный облик поэта. Лирика в целом – это постепенно разворачивающаяся во времени панорама сложного внутреннего мира, ценность которого заключена в гуманных устремлениях.

В программном стихотворении «Теон и Эсхин» возвышенной личной морали нет преград, способных свернуть человека с избранного пути. Ничто не может заставить мудреца Теона уклониться с верной нравственной стези и унижить свою чистую душу.

При мысли великой, что я *человек*,
Всегда возвышаюсь душою, —

говорит он Эсхину. Даже горькие утраты не ослабляют силы его духа, ибо

Все в жизни к великому средство...

Однако гуманным порывам души в творчестве Жуковского всегда противостоят препятствия. Высоким и благородным чувствам угрожает общий закон земного бытия, определяющий их раннюю гибель, обычно в момент торжественного расцвета. Прекрасную человеческую душу на утренней неожиданно похищает неумолимая смерть. Жуковский предельно сближает наивысший миг устремленности к идеалу и роковую его обреченность. Наслаждение природой, восторг вдохновения, нежную любовь, дружескую привязан-

ность неизменно подстерегает катастрофа. Вследствие этого самое пылкое чувство слито в поэзии Жуковского с грустным раздумьем. Печальный тон его поэзии зависит, таким образом, не от частных причин, не от того, что автор меланхолик по натуре, а от его мирозерцания.

Нет сомнения, что эти настроения в своеобразной форме отразили глубокую неудовлетворенность поэта русской действительностью, где рушились его мечты, где оказалось невозможным его личное семейное счастье, где самым благородным помыслам Жуковского и его лучших друзей противостояли деспотизм, сословные предрассудки, эгоистическая мораль, корыстолюбие, чинопочитание, презрение к достоинству человека. Вместе с тем в них запечатлелись и горячая вера Жуковского в высокое предназначение человека, в его волю, стойкость и способность преодолеть любые преграды.

В согласии с этими взглядами Жуковский разделил бытие на два мира – идеальный и реальный. Они оба живут в человеческой душе, в которой происходит постоянный разлад: принужденная испытывать жизненные тяготы, душа всегда устремлена за пределы земного мира, в далекий край духовного совершенства и красоты. Так рождается преимущественно меланхолический тон сердечных лирических признаний поэта.

В элегии «Вечер» певец готов начать свою песнь во славу жизни, но счастливый «удел» недолговечен: его нарушает

мысль о смертной участи:

Так, петь есть мой удел... но долго ль?... Как узнать?
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

Переживание торжества духовных сил сменяется предчувствием неизбежной кончины человека. В стихотворении освещается вся жизнь поэта, его заветные мечты, его призвание, его порывы и душевные муки. Каким сложным, многообразным, противоречивым и вместе с тем близким предстал в стихотворении поэт!

Жуковский считал, что самое трудное в лирике – схватить текучесть переживаний. Ни мысль, ни чувство неостановимы, их нельзя удержать, они мимолетны. Слово же в его логическом значении закрепляет и как бы омертвляет непрекращающееся течение чувства и дум и потому никогда точно не может выразить ощущение. Можно легко запечатлеть, например, картину пышного заката или «пламень облаков, по небу тихому летящих». «Сии столь яркие черты, – пишет в стихотворении „Невыразимое“ Жуковский, – легко... ловит мысль крылата...» Но то, что чувствует человек в связи с картинами природы, что возникает в нем при созерцании их, – недоступно верному выражению. Но ведь у любого поэта, и Жуковского в том числе, нет другого средства, кроме словесного, чтобы выразить волнующие его чувства. По-

эт не может обойтись без слова. Следовательно, необходимо расширить заложенные в слове смысловые и эмоциональные возможности.

Русская поэзия до Жуковского опиралась на предметные и переносные значения слов. Вот почему поэтический язык предшествующей Жуковскому лирики не был приспособлен к выражению сложной и противоречивой душевной жизни. Жуковский пробудил дремавшие до него в слове эмоциональные смыслы или, как их обычно называют, эмоциональные ореолы. Он использовал слово не столько для называния, точного определения своих ощущений, сколько для передачи настроения. Жуковский как бы навеивает на читателя свои переживания, увлекая и «заражая» ими. Его сердце звуками, стихами, интонациями «музыкально» переливается в сердце читателя. Так устанавливается прочное психологическое родство между поэтом и нами.

Сложный, изменчивый миг душевного состояния, неподвластный выражению, оказывается выразимым и внятным. Небольшой отрывок (стихотворение «Невыразимое» имеет подзаголовок: «Отрывок») душевной жизни на краткий срок остановлен, словно задержанный вздох, и в нем неожиданно открылось необъятное содержание.

Жуковский перестроил поэтическую речь и преобразовал поэтический язык, чтобы свободно передать те самые текущие переживания, которые, по его мнению, не поддавались точному словесному воспроизведению.

Весь зримый предметный мир, его картины и события стали как бы отражением души, ее произведением. Вот первая строфа элегии «Вечер»:

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна...

Начав с описания ручья, Жуковский неожиданно призывает музу. Есть ли тут логическая связь между ручьем и музой? На первый взгляд переход к музе неправомерен. Однако логика соблюдена, но логика не рациональная, а логика чувства, переживания.

Жуковский описывает ручей, но его не интересует ручей как некое явление природы. Зато поэт полно передает впечатление, какое произвел на него поток. Во втором стихе – «Как тихая твоя гармония приятна!» – Жуковский отвлекается от конкретных, предметных признаков. Ему «приятен» не сам ручей, а его «тихая гармония». Слово «гармония», отнесенное к ручью, необычно. В обыденной речи сказать «гармония ручья» неловко, но в тексте Жуковского слово «гармония» вызывает эмоциональные переключки с душой поэта, исполненной глубоких волнений. К тому же «гармония» «приятна» и особенна: она «тихая». Слово «тихая» употреблено, конечно, не в прямом значении – «не шумная», «спокойная» (ср.: шумная, бурная гармония), а в перенос-

ном – «мирная», «умиротворенная».

Из описания Жуковского мы узнаем, какое настроение рождает ручей у поэта, какие переживания навеивает его вид. Следовательно, между душой поэта и природой устанавливается интимная связь: выющийся ручей близок душе Жуковского своим «сверканием», своей «тихой гармонией». Душа поэта в описываемую минуту светла, тиха своей внутренней умиротворенной гармонией. Изображая природу, Жуковский, с одной стороны, схватывает такие ее признаки, которые созвучны его настроениям и переживаниям, а с другой – в образах природы запечатлевает свое эмоциональное состояние. Ведь это его душа полна оживленной сосредоточенности, ведь это на нее снизошла тихая гармония. Так природный пейзаж становится под пером поэта «пейзажем души». А слово «гармония» всегда сочеталось со словом «поэзия». Поэзия и есть гармония звуков, слов, чувств и мыслей. Вот почему, наблюдая журчание ручья, поэт вспомнил о музе. Его душа уже готова к творчеству, она уже предчувствует приближение вдохновения, она настроена на лирическую волну.

Жуковский оживил «спавшие» в слове эмоциональные ассоциации, выдвинул их на первый план. Благодаря его поэтическому новаторству пришедшие вслед за ним русские поэты могли непосредственно и психологически конкретно выражать свои душевные переживания. Слово со времен Жуковского обрело способность запечатлевать самые тонкие,

едва уловимые, изменяющиеся оттенки настроений, слитых с теми или иными предметами и явлениями. Теперь каждое событие могло быть воссоздано и в его личном, индивидуальном освещении.

Создавая лирику сердечного раздумья, Жуковский привил русской поэзии вкус к стилистически уместному в данном лирическом контексте слову. Слова сочетались между собой постольку, поскольку они принимали единообразную стилистическую окраску. В стихотворении «Невыразимое» есть строки:

Как прилетевшее незапно дуновение
От луга родины, где был когда-то цвет...

В обычной речи нельзя сказать «луг родины». Но в речи Жуковского выражение «луг родины» возможно. «Луг» у него – это не какое-то определенное место, не деревенский луг, а цветущая страна юношеских стремлений. Недаром Жуковский пишет: «... где был когда-то цвет». Но и «цвет» – не какой-нибудь полевой цветок, а наслаждение жизнью, здоровьем, молодостью, прекрасные мечты и сладостные упования.

Задача поэта, по убеждению Жуковского, состоит не в том, чтобы точно, в конкретных чертах, обрисовать идеал, а чтобы намекнуть на него, увлечь им, «заразить» образом совершенства и пробудить неодолимое желание его достичь.

Душа у него словно «поет», изливается исходящей изнутри «музыкой». С целью дать «голос» самой душе, озвучить игру ее настроений поэт часто варьирует близкие по смыслу слова, повторяет одинаковые. Вот, например, характерное использование обертонов, родственных в стилистическом и эмоциональном значении слов, в элегии «Вечер»:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Ключевое слово «вечер» определяет стилистику строфы: с ним по значениям и эмоциональному наполнению согласуются слова «померкнули», «умирает», «потухшим», «угасает», поддержанные повторами («последний», «последняя»).

Жуковский широко использует вопросительные и восклицательные конструкции, которые, так же как и паузы, образуют «мелодию» души. Вопросы, например, несколько не содержат, не требуют каких-либо ответов и не подразумевают их (в отличие от вопросительных предложений в обычной речи и от риторических вопросов), а выявляют лишь чувства поэта, его волнение, его задумчивость. Они обращены и направлены не к собеседникам, а к самому себе:

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?

Ужель иссякнули всех радостей струи?

Тут душа откликается на собственные думы и внимает им. Жуковский преобразовал не только поэтический язык, но и жанры. По установившейся традиции, выражение интимных чувств было закреплено за «средними» жанрами – элегией, посланием, песней, романсом. Они и выдвинулись в лирике Жуковского на первый план.

В жанре послания, например, поэты делились мыслями и чувствами об устройстве жизни, продолжали в стихах литературную полемику. Словом, бывший некогда на литературной периферии жанр, вместив в себя общественно важное содержание, обнаружил большие возможности. Этим объяснялось как обращение к нему, так и его неслыханная до тех пор популярность.

То же самое произошло и с элегией, обновленной Жуковским. Элегия под пером поэта стала самым представительным жанром. И конечно, не потому только, что содержала личные переживания поэта. Ведь элегия – это обычно грустная, жалобная песнь. Но грусть может быть разной, и печальное настроение приходит к человеку по разным поводам, подчас незначительным. Элегия Жуковского содержала грустную думу о жизни. В ней выразилось его глубокое разочарование в участи человека и всего юного, светлого, прекрасного. В элегиях Жуковский пел о неосуществимых надеждах, о скоротечности молодости, о роковой краткости

любви и дружбы, о вспышках поэтического озарения, об отдаленном идеале блаженства. Содержание жанра неизмеримо расширилось, философски углубилось, приобрело значение, близкое большим художественным формам – драме, трагедии, роману.

Тема, например, элегии «На кончину ее величества королевы Виртембергской» вполне традиционна: смерть. Но Жуковский осмыслил ее по-новому. Чувство печали, охватившее его, относится не только к королеве. Жуковский видит в умершей прежде всего человека, его юную душу, расцветшую и прекрасную, полную жизни, ликования, радости и вдруг внезапно угасшую. Молодость и гибель, красота и тление – вот коллизия, привлекающая Жуковского, за которой встает иной, символический контраст – земное (реальный мир) и небесное (идеальный). В этом свете и человек с его высокими душевными порывами – мгновенный «небесный посетитель», недолго погостивший «на земле». Неожиданный и случайный факт – смерть юной и очаровательной женщины – Жуковский обобщил и возвел в степень общей закономерности. Образы беспощадной Судьбы, грозной Силы, коварного и неумолимого Рока властвуют над человеком в реальной действительности.

Прекрасное погибло в пышном цвете...

Таков удел прекрасного на свете! —

заключает Жуковский первую строфу, давая ключ к философскому размышлению над тайнами бытия. Неизбежная гибель красоты, лучших надежд, стремлений в час цветения – так переосмыслил Жуковский древнюю тему смерти. Его элегическая грусть о печальной участи человека обернулась скорбной жалобой о несовершенстве земной жизни:

О наша жизнь, где верны лишь утраты,
Где милому мгновенье лишь дано...

Эта общая доля личности и всех ее духовных проявлений неизменно волнует Жуковского на протяжении его творчества.

Столь же глубокое философское содержание скрывают и его баллады, жанр, преобразованный поэтом. Недаром Жуковского называли балладником.

Жуковский, как правило, брал чужие сюжеты. Лишь немногие баллады поэта оригинальны по замыслу. Но, «присваивая» вошедшие в литературный обиход сюжеты, поэт их преобразовывал на свой лад. Среди баллад Жуковского обычно выделяют три разновидности: «русские» («Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев»), «средневековые», или «рыцарские» («Эолова арфа», «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», «Рыцарь Тогенбург», «Кубок», «Суд Божий над епископом», «Роланд оруженосец» и др.), «античные» («Кассандра», «Ахилл», «Ивиковы журавли»,

«Жалоба Цереры», «Элевзинский праздник»).

Все баллады строятся на каком-нибудь легендарном предании, непременно чудесном. Это либо действие сверхъестественной силы, либо ужасный случай, либо непредвиденное событие или происшествие, которое неожиданно поворачивает судьбы персонажей и устремляет ситуацию в новое сюжетное русло.

В ту пору, когда Жуковский выступил со своими балладами, категория чудесного привлекала к себе пристальное внимание. По поводу ее истолкования и границ включения чудесного в литературу классицисты спорили с романтиками. Чудесное – нечто исключительное, не поддающееся логическому объяснению. В своих крайних выражениях чудесное выливается в фантастику. Благодаря чудесным событиям человек того времени пытался проникнуть в суть жизненных фактов, которые еще не мог понять, но уже ощущал и чувствовал.

Сам сюжет обычно трактуется Жуковским в лирическом свете. Например, в «Эоловой арфе» для развития сжатого и сгущенного действия, изобилующего недосказанностями, недомолвками, существенны две лирические партии, которые ведут герои – бедный певец Арминий и его возлюбленная Минвана. В «Жалобе Цереры» античный миф служит сюжетной канвой для излияния материнских чувств Цереры, оторванной волей богов от своей дочери Прозерпины.

Жуковский в балладах не дает развернутых сюжетов, он

сосредоточивается на наиболее важных событиях. Его баллады, как правило, фрагментарны, эпизодичны, но это не значит, что эпическое начало для поэта несущественно. Напротив, сюжет («склад», по выражению поэта) сам богат содержанием. Например, журавли, пролетевшие над Ивиком в минуту его гибели, потом становятся невольными вестниками возмездия.

В балладах Жуковского высокие нравственные чувства почти всегда торжествуют над низменными, своекорыстными. Но победа их наступает лишь в том случае, если сам человек остается верен своим убеждениям и привязанностям. И все-таки добро далеко не всесильно. Порою в земной жизни оно терпит крах, и в этом заключена сложность души человека и обстоятельств, с которыми он сталкивается. Разлучены Альсим и Алина, принужденная выйти замуж против воли, умирает Арминий, томится в тоске Церера. Баллады намекают на необычность отношений человека с миром, на странную и страшную связь с потусторонними явлениями, связь, которая предполагает как бы более глубокую причинную зависимость, чем видимая глазу. Сюжеты баллад Жуковского, включая и жестокие преступления, и несостоявшуюся любовь, и роковую подчиненность судьбе, и героические подвиги, и страстные томления, и жертвенность, постоянно обращаются к той таинственной силе вещей, которая тяготет над человеком, повелевает им и заставляет следовать ей и подчиняться. Эта сила неизменно чудесная – будь то во-

ля богов в античных балладах или предначертания христианской религии. Она не всегда выступает благой, но в конечном счете все же обнаруживает – даже в ущерб конкретному человеку – просветляющий нравственный смысл.

Понятно, что переплетение обыденного с чудесным, проникновение чудесного в обыкновенную жизнь образует исключительную ситуацию, которая как раз и проясняет стоящий над человеком закон, делает его доступным и «учит» смиряться перед ним. Таким образом, баллада как жанр дает возможность философско-поэтически истолковывать ее сюжеты.

Столь же естественна и устремленность баллады к национальной характеристике, подмеченная и подхваченная Жуковским. Например, воля богов в античных балладах осмыслена поэтом как своеобразное мирозерцание древнего человека на заре цивилизации. Все события и переживания персонажей вытекают из этой коренной предпосылки, а отсюда возникает стремление выразить психологию, речь, поступки в соответствии с историческим и национальным колоритом.

Заслуга Жуковского состоит в том, что он не поддался искушению изобразить лишь внешние атрибуты античности. Он не прибег к декоративности описаний, а положил начало традиции, преследующей постижение строя мыслей, чувств, переживаний. Те же принципы характерны и для «русских», и для «средневековых» баллад. Например, характер Светла-

ны – героини одноименной баллады – слагается под влиянием народной нравственности. Светлану окружает простонародный быт, действие баллады открывается святочным гаданием. Собравшиеся подружки поют «песенки подблюдны». Жуковский широко вводит в балладу фольклорные элементы, приметы старины, зимний русский пейзаж. Мотив ожидания суженого поддержан национальными обычаями и верованиями. Народный колорит отражает стойкость героини и окрашивает ее романтическую любовь в исконно «русские» тона. Этому способствуют и народно-поэтические образы баллады. Но, конечно, Жуковский, воспроизводя национальный элемент в балладах «Людмила», «Светлана», «Двенадцать спящих дев» и уже широко привлекая русские обычаи, фольклор, еще только угадывал существо народного мирозерцания, и поэтому народность даже лучших баллад Жуковского не была глубокой. Тем не менее поиски Жуковского не пропали даром.

Судьбы героев Жуковского часто зависят от усвоения ими народных этических представлений, например любовной верности. Людмила и Светлана – романтические героини, ожидающие женихов с войны. Но Людмила не поверила в свое счастье и возроптала на свою долю, а Светлана, несмотря на душевные муки, осталась верна своему чувству, и поэт заключил балладу счастливым концом, даровав своей героине земную любовь.

Человек, как бы хочет сказать Жуковский, поступает по

своей воле, но за ней стоит нечто большее. В мире добрые силы борются со злыми, и душа становится полем их битвы. Поэтому совсем не безразлично, какой нравственный потенциал заключен в человеке, влекут ли его суетные соблазны или благородные помыслы. Как бы ни была predetermined человеческая судьба, выбор дороги зависит и от самой личности. И чем непосредственнее влечение к доброму, тем оно вернее поможет достойному выбору, тем личность активнее противостоит мелкому, пошлому и косному. Опору же своим возвышенным чувствам человек всегда найдет в нравственном опыте народа. Людмила отчаялась, ожидая жениха, и не поверила в свое счастье:

Сердце верить отказалось!

Вопреки доводам и уговорам матери она осталась непреклонной. Продолжая любить суженого, Людмила уже не надеется на взаимное счастье. Но вот появляется тень, призрак возлюбленного, и героиня вся отдается чувству.

Критики упрекали Жуковского за то, что его героиня, несмотря на очевидные роковые предзнаменования, все-таки отваживается скакать на коне в мрачную обитель жениха-мертвеца. Людмиле безразлично, где – в раю или в аду – будет она, лишь бы быть вместе с женихом. Матери она говорит:

«Что, родная, муки ада?

Что небесная награда?
С милым вместе – всюду рай;
С милым розно – райский край
Безотрадная обитель».

То же самое она повторяет и жениху:

«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба».

Героиня Жуковского поступает не в согласии с рассудком, а в соответствии с чувством. У любви свои резоны: она не подчиняется здравому смыслу. Но, отказавшись верить в счастье, возроптав на свою судьбу, она как бы бросила вызов могущественным силам и была наказана ими.

Баллада, основанная на чудесном, чисто фантастическом происшествии, отстаивала как правоту человеческого сердца, так и гуманные этические принципы, сложившиеся в ходе исторической жизни народов. Подлинный гимн человеку и обществу, построенному на благородных и прекрасных нравственных началах, Жуковский пропел в «Элевзинском празднике».

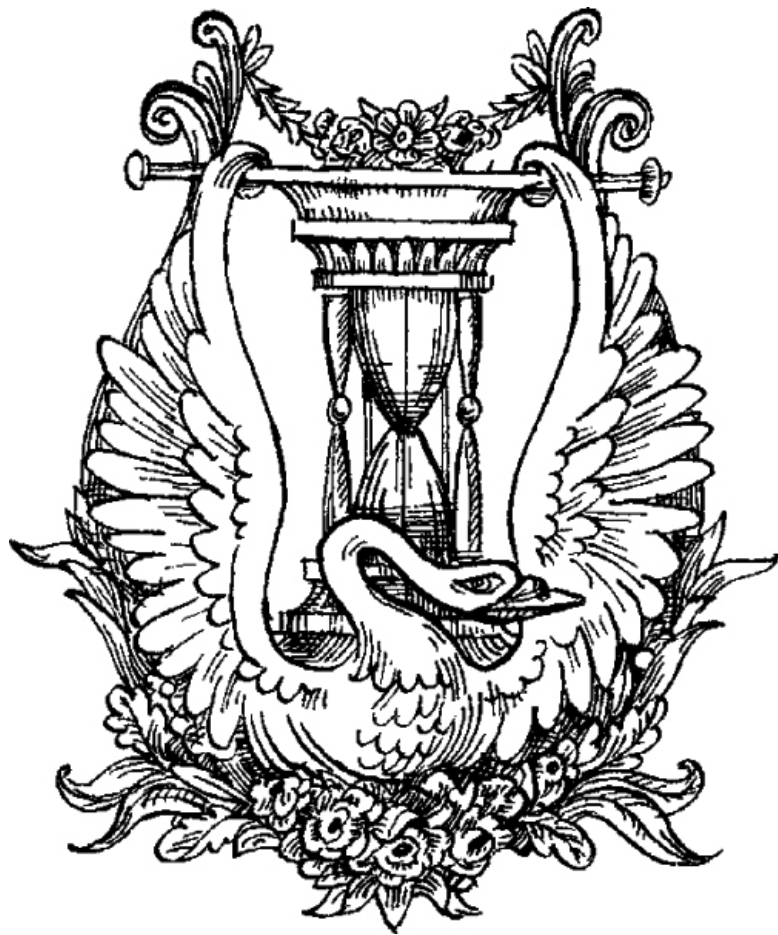
Поэзия Жуковского открыла русскому читателю романтический мир страстей, таинственных преданий, сложность и психологическую глубину личности. Жуковский расширил умственный кругозор русского общества, познакомив его с особенностями художественной культуры других народов.

Его переводы и переложения – неотъемлемая часть отечественной литературы. Жуковский внес в поэзию новые темы и мотивы, преодолел сухое, рационалистическое отношение к слову, которое в его поэзии обрело способность к выражению подчас неуловимых движений сердца. Новаторская поэтика Жуковского оказала мощное и благотворное влияние на творчество Пушкина, Баратынского, Языкова, Дельвига, Рыльева, Козлова. Она была подхвачена и развита впоследствии Тютчевым, Лермонтовым, Фетом, Полонским, Блоком.

Жуковский остается дорог и нам, людям другого времени, которым близки и понятны надежды поэта на разум, доброе сердце, непобедимую духовность и на неослабевающее стремление человека к нравственному совершенству.

В. И. Коровин

Стихотворения





Сельское кладбище¹

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопой
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон².

¹ Вольный перевод элегии «Elegy written in a Country Churchyard» («Элегия, написанная на сельском кладбище») английского поэта-сентименталиста Томаса Грея (1716–1771). Эту элегию (1802) Жуковский считал началом своей поэтической деятельности и в 1839 году еще раз перевел ее. До нас дошла семейная легенда, в которой рассказывается, что перевод был сделан поэтом на холме в селе Мишенском, на родине поэта (близ города Белева Тульской губернии). Биограф Жуковского К. Зейдлиц писал: «Этот холм сохранил название Греева элегия». Сам Жуковский в одном из писем сообщал из Швейцарии: «Хочу у подошвы швейцарских гор посидеть на том низком холмике, на коем стоял наш Мишенский дом с своею смиренной церковью, на коем началась моя поэзия Греевой элегией». Жуковский отступил в переводе от подлинника и внес чувствительные, меланхолические ноты. Элегия посвящалась товарищу Жуковского по Благородному пансиону при Московском университете и «Дружескому литературному обществу» Андрею Ивановичу Тургеневу.

² *Лишь слышится вдали рогов унылый звон.* – «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров» (примеч. В. А. Жуковского).

Лишь дикая сова³, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пускай рабы сует их жребий унижают,

³ *Лишь дикая сова...* — Сова, как ночная птица, считалась стражем покоя мертвых и была также олицетворением мудрости.

Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пускай с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех ярится смерть⁴ – царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемогущия судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет!

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что леств им алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят,
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,

⁴ *На всех ярится смерть...* – Мысль об одинаковой доле людей перед лицом смерти характерна для раннего Жуковского.

Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден надменный⁵,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный⁶,
Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах⁷.

⁵ *Гампден надменный* – Джон Гампден (Гемпден; 1594–1643), крупный английский землевладелец, посчитавший незаконной небольшую корабельную подать, востребованную королем, и отказавшийся уплатить ее; сыграл активную роль на первых этапах Английской буржуазной революции XVII века.

⁶ *Иль кровию граждан Кромвель необагранный*... – Оливер Кромвель (1599–1658) – вождь Английской революции XVII века. Жуковский ошибался в его характеристике: Кромвель сурово расправлялся с демократическими элементами, подавил восстания в Ирландии и Шотландии.

⁷ *Или Мильтон немой, без славы скрытый в прах*. – Имеется в виду Джон Мильтон (1608–1674), английский поэт, публицист и политический деятель, перу которого принадлежат поэмы «Потерянный рай», «Возвращенный рай», а также памфлеты в защиту республики. Возможно, Жуковский ошибся: Мильтон был слеп, а не нем. Но более вероятно другое: Мильтон был активным участником английской революции, а после восстановления монархии Стюартов

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,
Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовою —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и резьбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,

(1660) публицистическая деятельность стала для него невозможной. Умер Мильтон гонимым, в безвестности и в бедности.

Их лёта, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами, —
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, — он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встречался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.*

*Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным Творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от Творца он друга получил.*

*Прохожий, помолись над этою могилой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь всё оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его Спаситель-Бог.*

Май — сентябрь 1802

Дружба⁸

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый.
О Дружба, это ты!

1805

⁸ Уже в ранние годы у Жуковского сложилась целая философия дружбы. Это чувство он считал наиважнейшим и самым возвышенным. 27 февраля 1806 года он выступил в «Дружеском литературном обществе» с речью «О дружбе», где утверждал: «Любовь – которую не сравню с дружбой, – любовь страсть сильная, пламенная – должна неоспоримо уступить ей». «Дружба, – полагал поэт, – не боится ни злобы, ни предрассудков, никакая сила не может разлучить сердец, соединенных самой природой, ни море шумящее, ни степи непроходимые, ни гонения оскорбленного рока, – дружба и под кровом сельским все та же чистая божественная дружба, утешительница добродетельных, гений-хранитель тружеников мира. Пифагор в разговоре о дружбе сказал: Я не один, когда со мною друг мой, однако ж нас не двое, – сильное, много значащее изречение, достойное великого философа, который произнес его». В письме к А. И. Тургеневу (брат товарища Жуковского – Александр Иванович Тургенев) от 8 января 1806 года Жуковский обращался: «Ах, брат, нам надобно жить... возвышенным образом; но я один ничего не сделаю: мне необходима подпора. Я найду ее в дружбе, и в твоей дружбе... Ты должен быть согревателем моей души». Культ дружбы, утверждаемый Жуковским, сыграл большую роль в бытовом и литературном общении того времени. Известно, сколь спланивала дружба лицеистов, арзамасцев, а впоследствии пушкинский круг писателей, куда входил и Жуковский.



Вечер⁹

Элегия

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

⁹ По словам биографа поэта К. Зейдлица, «одно из лучших его описаний вечерней красоты природы села Мишенского». В стихотворении поэт вспоминает о друзьях своей юности, принадлежавших, как и он, к «Дружескому литературному обществу».

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края¹⁰,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит сёлы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

¹⁰ Стирофы 6–8 (от стиха «Уж вечер... облаков померкнули края...» и кончая стихом «И гибкой ивы трепетанье!») использованы П. И. Чайковским в опере «Пиковая дама» для дуэта Лизы и Полины.

Но что?... Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сижу задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних выюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?... Иль всяк своей тропею,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?...
Один – минутный цвет – почил, и непробудно¹¹,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о Небо правосудно!..¹²

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Загладят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил: брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать под сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

¹¹ *Один – минутный цвет – почил, и непробудно...* – Речь идет об Андрее Ивановиче Тургеневе, умершем в 1803 году.

¹² *Другой... о Небо правосудно!..* – С. Е. Родзянко (1782–1808), вскоре после окончания университетского Благородного пансиона сошедший с ума.

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?... Как узнать?...
Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

Май – июль 1806

Песня¹³

(«Мой друг, хранитель-ангел мой...»)

Мой друг, хранитель-ангел мой,
О ты, с которой нет сравненья,
Люблю тебя, дышу тобой;
Но где для страсти выраженья?
Во всех природы красотах
Твой образ милый я встречаю;
Прелестных вижу – в их чертах
Одну тебя воображаю.

Беру перо – им начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лире восхищенной:
С тобой, один, вблизи, вдали.
Тебя любить – одна мне радость;
Ты мне все блага на земли;
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

¹³ («Мой друг, хранитель-ангел мой...»). В первопечатном тексте стихотворение имело подзаголовок «На голос: Je t'aime tant, je t'aime tant...» («Я так люблю тебя, так люблю тебя...»). Эта популярная в конце XVIII – начале XIX века песня принадлежала французскому поэту, драматургу и политическому деятелю Ф. Фабру д'Эглантину (1750–1794). Стихотворение Жуковского – переложение этой песни.

В пустыне, в шуме городском
Одной тебе внимать мечтаю;
Твой образ, забываясь сном,
С последней мыслию сливаю;
Приятный звук твоих речей
Со мной во сне не растается;
Проснусь – и ты в душе моей
Скорей, чем день очам коснется.

Ах! мне ль разлуку знать с тобой?
Ты всюду спутник мой незримый;
Молчишь – мне взор понятен твой,
Для всех других неизъяснимый;
Я в сердце твой приемлю глас;
Я пью любовь в твоём дыханье...
Восторги, кто постигнет вас,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
В тебе природе удивляюсь.
И с чем мне жребий мой сравнить?
Чего желать в толь сладкой доле?
Любовь мне жизнь – ах! я любить
Еще стократ желал бы боле.

1 апреля 1808



Путешественник¹⁴

Песня

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Всё забыто было мною —
И семейство и друзья.

В ризе странника убогой,
С детской в сердце простотой,
Я пошел путем-дорогой —
Вера был вожатый мой.

И в надежде, в уверенье
Путь казался недалек,
«Странник, – слышалось, – терпенье!
Прямо, прямо на восток.

Ты увидишь храм чудесный;
Ты в святилище войдешь;
Там в нетленности *небесной*
Всё *земное* обретешь».

Утро вечером сменялось;

¹⁴ Вольный перевод стихотворения «Der Pilgrim» («Странник») немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759–1805).

Вечер утру уступал;
Неизвестное скрывалось;
Я искал – не обретал.

Там встречались мне пучины;
Здесь высоких гор хребты;
Я взбирался на стремнины;
Через потоки стлал мосты.

Вдруг река передо мною —
Вод склоненье на восток;
Вижу зыблемый струею
Подле берега челнок.

Я в надежде, я в смятенье;
Предаю себя волнам;
Счастье вижу в отдаленье;
Всё, что мило, – мнится – там!

Ах! в безвестном океане
Очутился мой челнок;
Даль по-прежнему в тумане;
Брег невидим и далек.

И вовеки надо мною
Не сольется, как поднесь,
Небо светлое с землею...
Там не будет вечно здесь.

Песнь араба над могилою коня¹⁵

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит – на зыбкий одр песков пустынных пал.

О путник, со мною страданья дели:
Царь быстрого бега простерт на земли;
И воздухом брани уже он не дышит;
И грозного ржанья пустыня не слышит;
В стремленье погибель его нагнала;
Вонзенная в шею, дрожала стрела;
И кровь благородна струею бежала;
И влагу потока струя обаграла.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит – на зыбкий одр песков пустынных пал.

Убийцу сразила моя булава:
На прах отделенна скатилась глава;
Железо вкусило напиток кровавый,

¹⁵ Перевод с добавлением отсутствующей в подлиннике последней строфы популярного в то время в России романа «L'arabe au tombeau de son coursier» («Араб на могиле своего скакуна»), принадлежащего французскому поэту-классицисту Шарлю Мильвуа (1782–1816). Примененный Жуковским размер впоследствии был использован Пушкиным («Подражания Корану», IX) и Лермонтовым («Три пальмы») с сокращением каждой строфы на два последних стиха.

И труп истлевает в пустыне без славы...
Но спит он, со мною летавший на брань;
Трикраты воззвал я: спутник мой, встань!
Воззвал... безответен... угаснула сила...
И бранные кости одеда могила.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит – на зыбкий одр песков пустынных пал.

С того ненавистного, страшного дня
И солнце не светит с небес для меня;
Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
Брожу одинокий, задумчив, унылый;
Имена доселе драгие края
Уже не отчизна – могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит – на зыбкий одр песков пустынных пал.

В час зноя и жажды скакал он со мной
Ко древу прохлады, к струе ключевой;
И мавра топтали могучи копыта;
И грудь от противных была мне защита;
Мой верный соратник в бою и трудах,
Он, бодрый, при первых денницы лучах,
Стрелою, покорен велению длани,
Летал на свиданья любви и брани.

О друг! кого и ветер в полях не обгонял,
Ты спишь – на зыбкий одр песков пустынных пал.

Ты видел и Зару – блаженны часы! —
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;
Ах! Зара, как серна, стыдлива была;
Как юная пальма долины, цвела;
Но Зара прищельца пленилась красою
И скрылась... ты, спутник, остался со мною.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит – на зыбкий одр песков пустынных пал.

О спутник! тоскует твой друг над тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупе воздремлем в жилище отрады;
Над нами повеет дыханье прохлады;
И скоро, при гласе великого дня,
Из пыльного гроба исторгнув меня,
Величествен, гордый, с бессмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

Конец 1809 – начало 1810

К ней¹⁶

Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы об тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый, священный,
В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!

⟨1810–1811⟩

¹⁶ Перевод немецкой песни неизвестного автора. Предположительно относится к М. А. Протасовой.

Желание¹⁷

Романс

Озарися, дол туманный;
Расступися, мрак густой;
Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
Испещренные цветами,
Красны холмы вижу там...
Ах! зачем я не с крылами?
Полетел бы я к холмам.

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;

¹⁷ Перевод (с небольшими отступлениями) стихотворения Ф. Шиллера «Sehnsucht» («Томление»). Страстное ожидание чуда, устремленность к неведомому, но прекрасному идеалу выражает пафос поэзии Жуковского. Он свойствен и его жизненной философии. Понимая, например, что надежда на брак с М. А. Протасовой не сбылась, Жуковский пишет 5 мая 1814 года А. Л. Киреевской: «Теперешнее мое бытие для меня так тяжело, как самое ужасное бедствие. Для меня было бы самым величайшим наслаждением попасть в горячку, в чахотку или что-нибудь подобное и увидеть вдруг вблизи прелестный край чудес».

Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах.

О предел очарованья!
Как прелестна там весна!
Как от юных роз дыханья
Там душа оживлена!
Полечу туда... напрасно!
Нет путей к сим берегам;
Предо мной поток ужасный
Грозно мчится по скалам.

Лодку вижу... где ж вожатый?
Едем!.. будь, что суждено...
Паруса ее крылаты,
И весло оживлено.
Верь тому, что сердце скажет;
Нет залогов от небес;
Нам лишь чудо путь укажет
В сей волшебный край чудес.



Певец¹⁸

В тени дерев, над чистыми водами
Дерновый холм вы видите ль, друзья?
Чуть слышно там плескает в брег струя;
Чуть ветерок там дышит меж листьями;
На ветвях лира и венец...
Увы! друзья, сей холм – могила;
Здесь прах певца земля сокрыла;
Бедный певец!

Он сердцем прост, он нежен был душою —
Но в мире он минутный странник был;
Едва расцвел – и жизнь уж разлюбил
И ждал конца с волненьем и тоскою;
И рано встретил он конец,
Заснул желанным сном могилы...
Твой век был миг, но миг унылый,
Бедный певец!

Он дружбу пел, дав другу нежну руку¹⁹, —
Но верный друг во цвете лет угас;

¹⁸ Романс вызвал высокую оценку К. Н. Батюшкова и отразился в стихотворении юного Пушкина «Певец». В. Г. Белинский отнес «Певца» к «лучшим» и «самым характеристическим» произведениям Жуковского.

¹⁹ *Он дружбу пел, дав другу нежну руку...* – Речь идет об А. И. Тургеневе (см. коммент. к стихотворению «Сельское кладбище»).

Он пел любовь²⁰ – но был печален глас;
Увы! он знал любви одну лишь муку;
Теперь всему, всему конец;
Твоя душа покой вкусила;
Ты спишь; тиха твоя могила,
Бедный певец!

Здесь, у ручья, вечернею порою
Прощальну песнь он заунывно пел:
«О красный мир, где я вотще расцвел;
Прости навек; с обманутой душою
Я счастья ждал – мечтам конец;
Погибло всё, умолкни, лира;
Скорей, скорей в обитель мира,
Бедный певец!

Что жизнь, когда в ней нет очарованья?
Блаженство знать, к нему лететь душой,
Но пропасть зреть меж ним и меж собой;
Желать всяк час и трепетать желанья...
О пристань горестных сердец,
Могила, верный путь к покою,
Когда же будет взят тобою
Бедный певец?»

И нет певца... его не слышно лиры...

²⁰ *Он пел любовь...* – Имеется в виду любовная лирика Жуковского, адресованная М. А. Протасовой. На стихи «Певца» написаны романсы М. И. Глинки и А. Н. Верстовского.

Его следы исчезли в сих местах;
И скорбно всё в долине, на холмах;
И всё молчит... лишь тихие зефиры,
Колебля вянущий венец,
Порою веют над могилой,
И лира вторит им уныло:
Бедный певец!

1811



Певец во стане русских воинов²¹

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами.
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

²¹ В первой публикации (журнал «Вестник Европы», 1812, № 23 и 24, декабрь) опубликовано с подзаголовком: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Жуковский находился тогда в московском ополчении. Ко второму – отдельному – изданию «Певца» (1813) Жуковский и его друг, карамзинист Д. В. Дашков (1789–1839), сделали примечания, которые частично используются с указанием в скобках – (*примеч.*).

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав, бич древних лет²²,
Се твой полет орлиный.
«Погибнем! мертвым срама нет!»²³ —

²² *О Святослав, бич древних лет...* – Имеется в виду Святослав, князь киевский (945–972).

²³ «Погибнем! мертвым срама нет!» – «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь великого князя Святослава Игоревича к его воинам на походе против греков. „Не посраим земли русския, – сказал он, – ляжем где костями, мертвыи бо срама не имут!“ Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу» (примеч.).

Гремит перед дружиной.
И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных²⁴,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш *Петр*, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!²⁵
Орды пришельца – снесь мечей,
И мир вызывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал;

²⁴ *И ты, неверных страх, Донской, с четой двух соименных...* – «Великий князь Дмитрий Иоаннович (то есть Дмитрий Донской, 1350–1389. – В. К.), избавитель России от постыдного рабства. Со времени несчастного сражения при Калке (1223) татары господствовали над князьями российскими, свергая их по произволению с престола и налагая тяжкие дани. Дмитрий отмстил за сии поругания и, предводительствуя сам соединенными русскими силами, истребил на берегу Дона несметное воинство Мамай. Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великою четою соименных (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и августейшими его преемниками» (примеч.).

²⁵ *Внимайте клич: Полтава!* – «Сражение при Полтаве решило навсегда участь России. Обыкновенные последствия войны суть всеобщее опустошение и грабительства; но сей знаменитый день был виною благополучия многих миллионов, увенчав труды, подъятые Великим Петром для преобразования своего отечества. Дерзкий Карл, ворвавшийся в пределы российские с непобедимым войском, едва мог спастись бегством с немногими спутниками, в числе коих был изменник Мазепа, названный здесь братом владыки (Карла XII)» (примеч.).

Твой след – костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом²⁶;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;
Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов²⁷.

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед

²⁶ В лесу с твоим сарматом... – Сарматы – варвары-кочевники; здесь – Мазепа.

²⁷ То грозный наш Суворов. – «Кому из современников наших неизвестны подвиги российского Аннибала, преодолевшего самую природу на вершинах альпийских? Потомство будет с удивлением читать в летописях беспристрастной истории дела Вождя победы, грозы оттоманов (турок. – В. К.) и сарматов, избавителя Италии. Он скончал славные дни свои; но дух его еще предводит полками нашими и вливает новое мужество в сердца воинов» (примеч.).

Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель – гибель, брань – за брань,
И казнь тебе, губитель!

Воины

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель – гибель, брань – за брань,
И казнь тебе, губитель!

Певец

Отчизне кубок сей, друзья!²⁸
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?

²⁸ *Отчизне кубок сей, друзья!* – «Воздав должную хвалу почившим героям, певец посвящает сей кубок любви к отечеству, столь славно ознаменовавшей народ российский при нашествии свирепого неприятеля» (примеч.).

О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там всё – там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы – прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражьи грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.
Не изменим; мы от отцов

Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
И чужд им малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
К тебе горим любовью.

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
В шатрах, на поле чести,
И жизнь и смерть – всё пополам;
Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
И нравов непритворство,
И смелость – бранных красота,
И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
К венцам стезею правой!
Опасность – твердый наш союз;
Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит

На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь²⁹,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.

²⁹ *Хвала тебе, наш бодрый вождь...* – «Имя князя Смоленского, спасителя России, пребудет всегда незабвенным для истинных патриотов. В то печальное время, когда враги гнездились в древней столице, угрожая разрушить последний оплот вольности Европы, мудрый вождь не унывал духом и готовил достойную казнь гордыне их. С быстротою молнии перелетал он от берегов Москвы до Эльбы, расточив сонмища иноплеменных и устлав путь свой бесчисленными их трупами. Орлиный взор его измерял уже берега Рейна, когда жестокая смерть, которой он столько раз подвергал себя во брани, сразила его на одре болезни, посреди блистательного поприща. Но благодарное отечество, почтившее героя доверенностью своею, сохранит навеки память его вместе с бессмертною памятью Пожарского; а мужественные воины, сражавшиеся под его знаменами, с гордостью некогда скажут юным товарищам и детям своим: „И мы были его сподвижниками, и мы мстили за Москву, обращенную в пепел неистовой злобою!“» (*примеч.*). Титул князя Смоленского М. И. Кутузов (1745–1813) получил за Бородинское сражение.

О, сколь с израненным челом³⁰
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...³¹
Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;

³⁰ *О, сколь с израненным челом...* – В сражении при Кагуле (1770) Кутузов был ранен турецкой пулей, которая вошла в левый висок и вышла у правого глаза.

³¹ *О диво! се орел пронзил над ним небес равнины...* – «У древних парящий орел почитаем был предвестником победы; знамение сие не обмануло и нас на достопамятном Бородинском поле. Когда российский вождь устраивал полки свои, орел пролетел над ним при радостных кликах воинов и был верной предтечею погибели врагов наших» (*примеч.*). В первой публикации к этим стихам было дано примечание: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте; полководец снял перед ним шляпу; войска закричали „ура!“»

Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь – и Бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов, витязь юный³²,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам
И страх твои перуны.
Раевский, слава наших дней³³,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами³⁴.
Наш Милорадович, хвала!³⁵
Где он промчался с бранью,
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштейн³⁶, вождь-герой,

³² *Ермолов, витязь юный...* – А. П. Ермолов (1777–1861), русский генерал, начальник штаба 1-й армии, впоследствии главнокомандующий на Кавказе.

³³ *Раевский, слава наших дней...* – Н. Н. Раевский (1771–1829), русский генерал, командовал «Курганной» батареей («батарея Раевского») в Бородинском сражении.

³⁴ *С отважными сынами.* – Сыновья Раевского – А. Н. Раевский (1795–1868) и Н. Н. Раевский (1801–1843) – участвовали вместе с отцом в Бородинской битве. Сохранились рассказы современников, что генерал повел сыновей в атаку в бою под Дашковкой. Раевский, однако, их опровергал.

³⁵ *Наш Милорадович, хвала!* – М. А. Милорадович (1771–1825), генерал, ученик Суворова, видный участник Бородинского сражения и всей кампании 1812 года.

³⁶ *Витгенштейн* – П. Х. Витгенштейн (1768–1842), генерал, командовал

Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.
О, сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..³⁷
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя...
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье.

корпусом, прикрывавшим Петербург от войск маршалов Удино и Макдональда.

³⁷ *Наш Коновницын смелый!..* – П. П. Коновницын (1764–1822), русский генерал, ближайший помощник Кутузова, после ранения Багратиона принял на себя командование его армией.

Хвала, наш Вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!³⁸
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь³⁹,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу – ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту – мост исчез;
Лишь к селам – пышут селы.

Хвала, наш Нестор – Бенингсон!⁴⁰
И вождь и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман⁴¹-герой,

³⁸ *Вождь невредимых, Платов!* – М. И. Платов (1751–1818), атаман донских казаков, совершивший в Бородинскую битву знаменитый рейд в тыл левого фланга французской армии.

³⁹ *Орлом шумишь по облакам, по полю волком рыщешь...* – образы, заимствованные из «Слова о полку Игореве».

⁴⁰ *Хвала, наш Нестор – Бенингсон!* – Л. Л. Беннигсен (1745–1826), генерал, начальник штаба Кутузова; назван Нестором по имени старейшего вождя греков в Троянской войне, описанной в «Илиаде» Гомера (по возрасту был старейшим среди генералов – участников Отечественной войны 1812 года).

⁴¹ *Остерман* – А. И. Остерман-Толстой (1770–1857), А. П. Тормасов (1752–1819), К. Ф. Багговут (1761–1812), Д. С. Дохтуров (1756–1816), генералы, участники Бородинского сражения. К строкам о К. Ф. Багговуте относились

В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!

Наш твердый Воронцов, хвала!⁴²
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;
Когда полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье – бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренье!»

слова в примеч.: «Стихи сии сочинены прежде Тарутинского сражения. Багговут был первою его жертвою (6 октября 1812)».

⁴² *Наш твердый Воронцов, хвала!.. стрела в бесстрашного вонзилась...* – М. С. Воронцов (1782–1856) был ранен в Бородинском бою.

И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребления
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!⁴³
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала, наш Пален, чести сын!⁴⁴
Как бурею носимый,

⁴³ *Хвала, Щербатов, вождь молодой!.. Он сетует душой о трате незабвенной.* – А. Г. Щербатов (1777–1848), генерал; незадолго до сражения лишился жены, доводившейся сестрой приятелю Жуковского П. А. Вяземскому.

⁴⁴ *Хвала, наш Пален, чести сын!* – П. П. Пален (1778–1864), генерал, участник Бородинского сражения.

Везде впереди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строганов, хвала!⁴⁵
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам вызывает: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождям!⁴⁶
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

⁴⁵ *Наш смелый Строганов, хвала!* – П. А. Строганов (1772–1817), будучи государственным деятелем, добровольно вступил в армию.

⁴⁶ *Хвала бестрепетных вождям!* – «Вождями бестрепетных названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812 года, много способствовали к истреблению неприятеля» (*примеч.*).

Наш Фигнер старцем в стан врагов⁴⁷
Идет во мраке ночи;
Как тень прокрался вокруг шатров,
Всё зрели быстры очи...
И стан еще в глубоком сне,
День светлый не проглянул —
А он уж, витязь, на коне,
Уже с дружиной грянул.
Сеславин – где ни пролетит⁴⁸
С крылатыми полками:
Там брошен в прах и меч, и щит
И устлан путь врагами.

Давыдов, пламенный боец⁴⁹,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире счастливый певец
Вина, любви и славы.
Кудашев скоком через ров⁵⁰
И летом на стремнину;

⁴⁷ *Наш Фигнер старцем в стан врагов...* – А. С. Фигнер (1787–1813), организатор партизанского движения, умелый разведчик: переодеваясь в разные костюмы, проникал в тыл французов.

⁴⁸ *Сеславин – где ни пролетит...* – А. Н. Сеславин (1780–1858), партизан, начальник отряда.

⁴⁹ *Давыдов, пламенный боец...* – Д. В. Давыдов (1784–1839), знаменитый поэт-партизан.

⁵⁰ *Кудашев скоком через ров...* – Н. Д. Кудашев (1784–1813), партизан, зять М. И. Кутузова.

Бросает взглядом Чернышов⁵¹
На меч и гром дружину;
Орлов отважностью орел⁵²;
И мчит грозу ударов
Сквозь дым и огонь, по грудам тел,
В среду врагов Кайсаров⁵³.

Воины

Вожди славян, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам зовет: мсть!
Вселенная: спасенье!

Певец

Друзья, кипящий кубок сей
Вождам, сраженным в бое.
Уже не придут в сонм друзей,
Не станут в ратном строе,
Уж для врага их грозный лик
Не будет вестник мщенья,
И не помчит их мощный клик

⁵¹ *Бросает взглядом Чернышов...* – А. И. Чернышев (1785–1857), партизан.

⁵² *Орлов отважностью орел...* – В. В. Орлов-Денисов (1775–1843), казачий генерал, отличился в бою при Тарутине.

⁵³ *В среду врагов Кайсаров.* – Речь могла идти либо о П. С. Кайсарове (1783–1844), генерале штаба М. И. Кутузова, либо о его брате А. С. Кайсарове (1782–1813), товарище Жуковского по университетскому Благородному пансиону, профессоре Дерптского университета, который добровольно вступил в армию и был убит 14 мая 1813 года под Ганой.

Дружину в пыл сраженья;
Их празден меч, безмолвен щит,
Их ратники унылы;
И сир могучих конь стоит
Близ тихой их могилы.

Где Кульнев⁵⁴ наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал – главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила⁵⁵;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный.

А ты, Кутайсов, вождь молодой...⁵⁶

⁵⁴ *Кульнев* – Я. П. Кульнев (1763–1812), кавалерийский генерал, убитый под селом Клястицы.

⁵⁵ *Где жизнь судьба ему дала, там брань его сразила...* – «Кульнев убит в 30 верстах от местечка Люцина, где жила его мать и где провел он свое младенчество» (*примеч.*).

⁵⁶ *А ты, Кутайсов, вождь молодой...* – А. И. Кутайсов (1784–1812), генерал, в Бородинском бою командовал артиллерией. «Кутайсов убит под Бородином. В нем погибла одна из блистательнейших побед нашей армии. С великими дарованиями воина соединял он ум приятный и прекрасный характер нравственный. Он любил словесность и в свободное время писал стихи. После

Где прелести? где младость?
Увы! он видом и душой
Прекрасен был, как радость;
В броне ли, грозный, выступал —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял —
Одушевлялись струны...
О горе! верный конь бежит
Окровавлен из боя;
На нем его разбитый щит...
И нет на нем героя.

И где же твой, о витязь, прах?
Какою взят могилой?...
Пойдет прекрасная в слезах
Искать, где пепел милый...
Там чище ранняя роса,
Там зелень ароматней,
И сладостней цветов краса,
И светлый день приятней,
И тихий дух твой прилетит
Из таинственной сени;
И трепет сердца возвестит
Ей близость дружной тени.

И ты... и ты, Багратион?⁵⁷

Бородинского сражения увидели его лошадь, обогренную кровию, бегущую без седока, и долго не могли отыскать его тела» (*примеч.*).

⁵⁷ И ты... и ты, Багратион? – П. И. Багратион (1765–1812) – любимый

Вотще друзей молитвы,
Вотще их плач... во гробе он,
Добыча лютой битвы.
Еще дружин надежда в нем⁵⁸;
Всё мнит: с одра восстанет;
И робко шепчет враг с врагом:
«Увы нам! скоро грянет».
А он... навеки взор смежил,
Решитель бранных споров,
Он в область храбрых воспарил,
К тебе, отец Суворов⁵⁹.

И честь вам, падшие друзья!
Ликуйте в горней сени;
Там ваша верная семья —
Вождей минувших тени.
Хвала вам будет оживлять
И поздних лет беседы.
«От них учитесь умирать!» —
Так скажут внукам деды;

ученик и сподвижник Суворова, герой заграничных походов 1799, 1805-го и других годов, командовал в Отечественную войну 2-й армией, а в Бородинском сражении – войсками левого фланга.

⁵⁸ *Еще дружин надежда в нем...* – «Багратион умер от раны, полученной в сражении под Бородином. Армия несколько времени надеялась на его выздоровление, но судьба решила иначе» (*примеч.*).

⁵⁹ *Он в область храбрых воспарил, к тебе, отец Суворов.* – «По мифологии северных народов, витязи, сраженные во бранях, переселялись в Валгаллу, к отцу своему Одну. Стихотворец заменил здесь баснословного Одена бессмертным Суворовым» (*примеч.*).

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Воины

При вашем имени вскипит
В вожде ретивом пламя;
Он на твердыню с ним взлетит
И водрузит там знамя.

Певец

Сей кубок мщенью! други, в строй!
И к небу грозны длани!
Сразить иль пасть! наш роковой
Обет пред богом брани.
Вотще, о враг, из тьмы племен
Ты зиждешь ополченья:
Они бегут твоих знамен
И жаждут низложенья.
Сокровищ нет у нас в домах;
Там стрелы и кольчуги;
Мы села – в пепел; грады – в прах;
В мечи – серпы и плуги.

Злодей! он лестью приманил
К Москве свои дружины;
Он низким миром нам грозил
С кремлевския вершины.

«Пойду по стогнам с торжеством!
Пойду... и всё восплещет!
И в прах падут с своим царем!...»
Пришел... и сам трепещет;
Подвигло мщенье Москву:
Вспылала пред врагами
И грянулась на их главу
Губящими стенами.

Веди ж своих царей-рабов
С их стаей в область хлада;
Пробей тропу среди снегов
Во сретение глада...
Зима, союзник наш, гряди!
Им заперт путь возвратный;
Пустыни в пепле позади;
Пред ними сонмы ратны.
Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Воины

Отведай, хищник, что сильней:
Дух алчности иль мщенье?
Пришлец, мы в родине своей;
За правых провиденье!

Певец

Святому братству сей фиал
От верных братий круга!
Блажен, кому Создатель дал
Усладу жизни, друга;
С ним счастье вдвое; в скорбный час
Он сердцу утешенье;
Он наша совесть; он для нас
Второе провиденье.
О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Воины

О! будь же, други, святость уз
Закон наш под шатрами;
Написан кровью наш союз:
И жить и пасть друзьями.

Певец

Любви сей полный кубок в дар!
Среди борьбы кровавой,
Друзья, святой питайте жар:
Любовь одно со славой.
Кому здесь жребий уделен
Знать тайну страсти милой,
Кто сердцем сердцу обручен:
Тот смело, с бодрой силой
На всё великое летит;

Нет страха; нет преграды;
Чего-чего не совершит
Для сладостной награды?

Ах! мысль о той, кто всё для нас,
Нам спутник неизменный;
Везде знакомый слышим глас,
Зрим образ незабвенный!
Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья;
И в шуме стана и в мечтах
Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой;
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

О сладость тайныя мечты!
Там, там за синей далью
Твой ангел, дева красоты,
Одна с своей печалью,
Грустит, о друге слезы льет;
Душа ее в молитве,
Боится вести, вести ждет:
«Увы! не пал ли в битве?»
И мыслит: «Скоро ль, дружный глас,
Твои мне слышать звуки?
Лети, лети, свиданья час,
Сменить тоску разлуки».

Друзья! блаженнейшая часть:
Любезных быть спасеньем.
Когда ж предел наш в битве пасть —
Погибнем с наслажденьем;
Святое имя призовем
В минуты смертной муки;
Кем мы дышали в мире сем,
С той нет и там разлуки:
Туда душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Воины

В тот мир душа перенесет
Любовь и образ милой...
О други, смерть не всё возьмет;
Есть жизнь и за могилой.

Певец

Сей кубок чистым музам в дар!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.